

ноценное исследование объектов, посредством которого возможно получить новые, неизвестные ранее знания. Однако дознаватели неоправданно отказываются от получения заключения эксперта, и, заблуждаясь в правовой природе заключения специалиста, необоснованно подменяют его результатами предварительного исследования, которое является иной непроцессуальной формой использования специальных знаний.

Сложившаяся ситуация указывает на комплексную проблему, связанную с доказыванием при производстве сокращенного дознания и использованием специальных знаний в виде заключения специалиста, что побуждает задуматься о состоянии законности при расследовании уголовных дел. На наш взгляд, в качестве одного из возможных решений указанной проблемы должно являться правильное определение роли и значения заключения специалиста в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Предполагается, что, в отличие от заключения эксперта, заключение специалиста носит вспомогательный, разъяснительный характер, и используется в случаях, когда субъекту доказывания недостаточно своих знаний для правильного уяснения какого-либо вопроса, возникшего в ходе расследования по уголовному делу.

1. Козловский, П.В. Проблемные аспекты использования заключения специалиста / П.В. Козловский // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; ред.: О.И. Андреева, И.В. Чаднова // М-во образования и науки Рос. Федерации, Том. гос. ун-т. – Томск, 2011. – С. 63–65.

2. Вдовцев, П.В. Заключение специалиста как иной документ / П.В. Вдовцев, А.В. Чарыков // Рос. следователь. – 2020. – № 7. – С. 23–28.

3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 12 марта 2002 г., № 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2022).

4. Архив Артемовского городского суда Свердловской области. – Уголов. дело № 1-192/2021.

5. О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 23 нояб. 2010 г., № 26 : в ред. от 31.10.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2022).

6. Архив Алапаевского городского суда Свердловской области. – Уголов. дело № 1-236/2021.

7. Зайцева, Е.А. Непроцессуальная форма экспертных исследований / Е.А. Зайцева // Судеб. экспертиза. – 2011. – № 4 (28). – С. 16–24.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В АРСЕНАЛЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Прокурорский надзор выступает одним из важнейших средств обеспечения законности за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование. Изменения положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) в связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь значительно сократили пределы прокурорского надзора и соответствующие полномочия прокурора за деятельностью органов предварительного следствия, отдельные из которых справедливо подвергаются критике со стороны белорусских ученых [1–3], практиков [4], а также автором настоящей статьи [5]. В то же время характер норм, регламентирующих полномочия прокурора в досудебном уголовном производстве, а часто неполнота и неэффективность их применения в практической деятельности приводят к постепенному увеличению объема полномочий прокурора, особенно в части правовых средств по устранению нарушений законности, допускаемых органами предварительного расследования. В данном контексте подчеркнем значимость новаций уголовно-процессуального законодательства 2021 г., к которым относятся:

во-первых, расширение диапазона по вынесению прокурорами требований не только на нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования, но и на этапе приема, регистрации и рассмотрения заявлений (сообщений) о преступлении с указанием на обязательное рассмотрение такого требования в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК);

во-вторых, дополнение ст. 34 УПК новой мерой прокурорского реагирования в виде представления об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, способствующих этим нарушениям, с установлением безотлагательности его рассмотрения и письменным уведомлением прокурора в течение одного месяца о мерах, принятых по исполнению представления (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК);

в-третьих, наделение Генерального прокурора Республики Беларусь (его заместителей), прокуроров областей, города Минска (лиц, исполня-

ющих их обязанности) при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий (ч. 5¹ ст. 34 УПК).

В поле зрения настоящей статьи – делегирование прокурору полномочия по внесению представления в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, которое не является предметом широкого обсуждения в отечественной юриспруденции, но вызывает оживленные дискуссии у российских правоведов, формируя тем самым противоположные точки зрения в научной среде: от полного отрицания [6] до признания его права на жизнь [7, 8].

Например, А.Ю. Винокуров указывает на тождественность требования и представления прокурора, которое «заключается в постановке вопроса об устранении вскрытых нарушений, допускаемых в процессуальной деятельности соответствующих органов», настаивая на замене в законе требования на представление [9, с. 319–320]. В качестве возражений отметим, что, в отличие от требования прокурора (оно, как правило, выносится при обнаружении единичного факта нарушения закона, не носящего многочисленный характер), представление вносится при обнаружении прокурором не единичных фактов нарушений законности, т. е. представление направлено на устранение ошибок системного характера, а требование призвано устранять единичные факты ошибок в деятельности органов предварительного расследования. Таким образом, требование и представление имеют право на самостоятельное закрепление в УПК: в пользу возможного их сосуществования свидетельствует удачная апробация представления в прокурорской практике.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2021 г. прокурорами по фактам нарушения законодательства в органы внутренних дел было внесено 320 представлений, за январь–март 2022 г. – 99 представлений. Выборочное изучение нами представлений, вносимых в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, в разных регионах республики с 2021 по 2022 г., показывает, что они вносились на многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона в части:

1) поверхностных доследственных проверок по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, в результате которых органом уголовного преследования выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

2) несоблюдения порядка, оснований и условий производства следственных действий (например, производство обыска без санкции прокурора при отсутствии оснований для его неотложного проведения; про-

изводства осмотра жилища без участия всех участников, определенных в ст. 204 УПК);

3) ненадлежащей систематизации и (или) отсутствия в уголовном деле описи процессуальных документов;

4) неполноты проведенного предварительного расследования и необоснованного приостановления (прекращения) производства по уголовному делу;

5) несвоевременного предоставления прокурору копий постановлений о производстве следственных действий и (или) принятии процессуальных решений (нередко с задержкой предоставления таких копий на неделю и больше).

Перечисленные нарушения уголовно-процессуального закона свидетельствуют о невыполнении органом уголовного преследования возложенных на него задач и обязанностей, предусмотренных УПК, об отсутствии должного ведомственного (процессуального) контроля со стороны руководства за порядком возбуждения уголовных дел и ходом их расследования.

Между тем проведенный нами анализ представлений, вносимых в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, демонстрирует ошибочный подход прокуроров к подтверждению полномочий на право внесения таких представлений. В частности, в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, как правило, прокуроры ссылаются не на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре (к слову, подобное имело широкое распространение и в российской практике еще до появления представления в уголовно-процессуальном законодательстве России [8, с. 211–212]).

Такой подход является неверным по причине того, что ст. 27 Закона о прокуратуре определяет полномочия прокурора в иной сфере общественных отношений – при осуществлении надзора за исполнением законодательства, а ст. 38 цитируемого Закона не может применяться для данного случая, поскольку полномочия прокурора за исполнением закона в ходе досудебного производства закреплены в УПК, о чем в Законе о прокуратуре имеется отсылочная норма. В связи с этим следует признать ошибочным мнение отдельных ученых [7, с. 183], полагающих, что акты прокурорского надзора, предусмотренные в Законе о прокуратуре, могут и должны распространяться на уголовно-процессуальную сферу. Ведь смысл нормативного выделения отраслей прокурорского надзора состоит в разграничении полномочий прокурора с определенной целью: «обеспечить максимально допустимый уровень гарантированности прав

и свобод личности и законности в отдельных сферах правового регулирования с учетом их специфики, а также исходя из собственных предельных, пределов и правовых средств» [10, с. 163], в противном случае все направления прокурорско-надзорной деятельности являлись частью надзора за исполнением законодательства (общего надзора).

Еще одним аспектом, требующим внимания законодателя, на наш взгляд, является уточнение срока рассмотрения и исполнения представления прокурора, который должен определять дифференцированно исходя из сроков предварительного следствия и дознания, поскольку идея внесения данного акта состоит в том, чтобы в ускоренном порядке отреагировать на нарушения уголовно-процессуального закона.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что закрепление за прокурором полномочия по внесению представления – своевременный законодательный шаг, устранивший «правовой вакуум», позволяющий эффективно и оперативно устранять не просто единичные нарушения уголовно-процессуального закона, а многочисленные нарушения системного характера. В то же время необходимо привести к единообразию практику внесения прокурорами представлений на нарушения уголовно-процессуального закона: в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления следует ссылаться исключительно на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а не на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре. Считаю целесообразным пересмотреть также в п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК указание на срок рассмотрения представления прокурора, установив безотлагательность его рассмотрения с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по исполнению представления, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором.

1. Данько, И.В. Прокурор в контексте реформирования уголовно-процессуального законодательства / И.В. Данько // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2 : спец. юбилейн. изд. – С. 82–87.

2. Данько, И.В. О правовом регулировании полномочий прокурора при приостановлении проверки по заявлению, сообщению о преступлении / И.В. Данько // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учрежде-

ние «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 84–86.

3. Васьюк, Н.О. Прокурорский надзор за предварительным следствием: история развития и пути совершенствования процессуального статуса прокурора / Н.О. Васьюк // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учреждение «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 171–174.

4. Конюк, А.В. Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования и практики осуществления прокурорского надзора за законностью действий и решений органов дознания и предварительного следствия / А.В. Конюк // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 13–25.

5. Савчук, Т.А. Расширение диапазона мер прокурорского реагирования в досудебном производстве в свете реформирования уголовно-процессуального законодательства / Т.А. Савчук // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учреждение «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 211–213.

6. Вильде, Л.В. Сложности реализации надзорной функции прокурора в досудебной стадии производства по делу / Л.В. Вильде // Уголов. процесс. – 2012. – № 3. – С. 32–34.

7. Богатова, Е.В. К вопросу о процессуальном оформлении итогов проведенной прокурором проверки исполнения законов органами дознания и предварительного следствия / Е.В. Богатова, О.А. Грачева // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2019. – № 4. – С. 182–188.

8. Спиринов, А.В. Представление прокурора об устранении нарушений уголовно-процессуального закона в досудебном производстве / А.В. Спиринов // Проблемы в рос. законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 211–215.

9. Винокуров, А.Ю. Избранные статьи : в 3 т. / А.Ю. Винокуров. – Т. 2. – М., 2017. – 514 с.

10. Бытко, С.Ю. К вопросу о законодательной регламентации мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения уголовно-процессуального законодательства органами предварительного расследования / С.Ю. Бытко, О.А. Грачева // Изв. высш. учеб. заведений. – 2022. – № 2. – С. 159–166.